

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.3.03

УДК 165.23:141.13

ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

О СТАТЬЕ

Поступила: 05 сентября 2024 г.
Одобрена: 23 сентября 2024 г.
Принята к публикации: 25 сентября 2024 г.

Ключевые слова:

Кант, реальность, объективное, феномен, ноумен, вещь в себе, онтология, трансцендентальная философия, метафизический проект Канта.

АННОТАЦИЯ

Проблематика реальности с необходимостью включается в любую основательную философскую систему. Трансцендентальная философия И. Канта не является исключением. Однако традиционно Канта понимают как идеалиста и конструктивиста, и на этом основании не особенно продуктивными кажутся попытки реконструировать его «представления о реальности». В статье ставится именно такая проблема – прояснить понимание Кантом этого вопроса, тем более что понятие реальности является одним из наиболее часто употребляемых терминов. В первой части статьи анализируются онтологические структуры философии Канта и проблемы, связанные с отношением явления, ноумена и вещи в себе, их сложной координацией. Во второй части рассматривается вопрос о значении проблематики объективного для прояснения представлений о реальности. В третьей части анализируются оценки метафизического проекта Канта в исследованиях С.Л. Катречко, В.В. Васильева, С.А. Чернова, А.Н. Круглова, В.Е. Семенова. У исследователей кантовской философии нет согласия в том, как следует определить форму теоретической аналитики, заданной «Критикой чистого разума», является ли она продолжением метафизической традиции, можно ли ее в определенном смысле отнести к онтологии, является ли она новой – трансцендентальной – логикой или все-таки следует относиться к ней как к «критическому методу»? У самого Канта можно найти основания для противоречивых ответов относительно целей его критической философии. Прояснению причин такого рода разногласий последователей философии Канта и ее аналитиков посвящена эта статья. В «тени Канта» оказывается вся дальнейшая европейская философия, так или иначе ориентированная на антиреалистические основания аналитики, в частности феноменологию и антиреализм. Цель этой статьи заключается в том, чтобы реконструировать онтологические основания критического метода Канта и прояснить в этом контексте его понимание реальности.

© **Серкова Вера Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, профессор Высшей школы общественных наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>, e-mail: henrypooshel@rambler.ru.

© **Vera An. Serkova** – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Higher School of Social Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>, e-mail: henrypooshel@rambler.ru.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01014, <https://rscf.ru/project/24-28-01014/>.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад автора. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

PROBLEMATICS OF REALITY IN THE PHILOSOPHY OF I. KANT

Vera A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 05 September 2024

Revised: 23 September 2024

Accepted: 25 September 2024

Keywords:

Kant, reality, objective, phenomenon, noumenon, thing-in-itself, ontology, transcendental philosophy, Kant's metaphysical project.

ABSTRACT

The problematic of reality is necessarily included in any thorough philosophical system. Kant's transcendental philosophy is no exception. However, Kant is traditionally understood as an idealist and constructivist, and on this basis, attempts to reconstruct his "conceptions of reality" do not seem particularly productive. This article seeks to do just that - to clarify Kant's understanding of this issue, especially since the concept of reality is one of the most frequently used terms. The first part of the article analyzes the ontological structures of Kant's philosophy and the problems associated with the relation of phenomenon, noumenon, and thing-in-itself, and their complex coordination. The second part considers the significance of the problematics of the objective for clarifying the conceptions of reality. The third part analyzes assessments of Kant's metaphysical project in the studies of S.L. Katrechko, V.V. Vasiliev, S.A. Chernov, A.N. Kruglov, and V.E. Semenov. Researchers of Kantian philosophy do not agree on how to define the form of theoretical analytics given by the *Critique of Pure Reason*: is it a continuation of the metaphysical tradition, can it in a certain sense be attributed to ontology, is it a new - transcendental - logic, or should it still be treated as a "critical method"? In Kant himself one can find grounds for contradictory answers regarding the aims of his critical philosophy. This article is devoted to clarifying the reasons for this kind of disagreement between the followers of Kant's philosophy and its analysts. In Kant's "shadow" appears all further European philosophy, in one way or another oriented towards the anti-realist foundations of analyticis, in particular phenomenology and anti-realism. The aim of this article is to reconstruct the ontological foundations of Kant's critical method and to clarify his understanding of reality in this context.

Введение. Онтологическое решение вопроса о реальном

Представления о реальности лежат в основании любой действительно основательной философии. И. Кант разработал свою критическую философию, в которой проблематика, связанная с прояснением статуса реальности, определяет всю его содержательную сторону, это позволяет понять, как формируются такие предметы его аналитики, как «природа», «мир», «реальность». В частотном словаре Канта понятие «реальность» («реализм», «реалистический») встречается во множестве проблематических контекстов (достаточно ввести поисковое слово реальность в текст первой Критики). Вопрос о реальности в свете КЧР можно уточнить следующим образом: как возможна критически переосмысленная Кантом онтология? Побочным для так сформулированной проблемы реальности является вопрос, как соотносятся онтология, метафизика и трансцендентальная логика в теории Канта? Онтология подчиняется его критическому методу и входит в разработанный, но не осуществленный до конца метафизический проект Канта.

Может показаться, что отношение к онтологии является для Канта простым и очевидным: трансцендентальная философия, разработанная в его первой Критике, онтологическая тема, казалось бы, лежит вне его интересов: «... гордое имя онтологии, притязавшей на то, чтобы давать... знания о вещах вообще в виде систематического учения..., должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка» [1, с. 179]. Однако не все так просто в вопросе о возможности исключить онтологию из критической философии. Онтология в том проблематическом контексте, который определил для нее Парменид, – как принцип тождества бытия и сознания («... мыслить и быть одно и то же» [2, с. 287]) – у Канта подвергается самой основательной критической проверке. Заслугой Парменида стало выявление сущностной корреляции, некоторого существенного совпадения, коренного тождества бытийствующего (существующего вне мышления) и мыслимого. Онтология и гносеология оказались взаимоподчиненными основаниями, утверждающими то, что «есть». Но гносеология еще не стала у Парменида критической филосо-

фией как формой, подвергающей испытанию собственные устои. Дальнейшее развитие греческой античной философии пошло по этому пути, в результате были сформированы скептически-релятивистский и догматический корпусы философских учений, испытывающих основания онтологии. В КЧР в качестве «возможных реальностей» присутствуют и испытываются «расширительная» («к чему-то действительному вне меня» относящемуся [1, с. 30]) и ноуменальная (в духе парменидова тождества бытия и мышления) онтологии. Кант испытывает эти возможные онтологии, опираясь на свою трансцендентальную аналитику.

Критический метод, разработанный в трансцендентальной аналитике, определяет в том числе границы и содержание этих возможных онтологий и позволяет понять осуществление порядков реальности. Важно, как определяются стадии проявления того, что Кант называет «природой», «миром», «реальностью».

Онтологические структуры

В трансцендентальной эстетике онтологическим результатом оказывается то, что Кант определяет понятием «явление» – «неопределенный предмет эмпирического созерцания» [1, с. 49], которое проявляется как смутное событие для сознания, точнее, оно предоставляет только возможность (материал) для полного объектного осуществления – ноумена. Феномены как «чувственно воспринимаемые предметы» (Sinnenwesen, Phaenomena)» [1, с. 181] противопоставлены ноуменам как «умопостигаемым объектам (Verstandeswesen, Noumena)» [1, с. 181], и ни тот, ни другой «не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли» [1, с. 284], потому ноумен имеет дополнительный – «негативный» – смысл «вещи в себе»: «Если под ноуменом мы разумеем вещь, поскольку она не есть объект нашего чувственного созерцания, так как мы отвлекаемся от нашего способа созерцания ее, то такой ноумен имеет негативный смысл» [1, с. 181]. Другими словами, феномены и ноумены конструируются в интеллектуальном созерцании. Здесь же Кант утверждает, что «понятие ноумена, <...> следует мыслить не как предмет чувств, а как вещь в себе» [1, с. 183]. Это как бы принудительное, неестественное обращение мыслимого в данность, не зависящую от мысли, Э. Гуссерль описывал как «естественную установку сознания», когда сознание просыпается как бы на второй стадии своей деятельности и застаёт вещи «уже существующими». Гуссерль разрабатывает специальную процедуру, контролирующую подобные самопроизвольные акты сознания – феноменологическую редукцию [3, с. 125–136]. Кант также анализирует подобные акты объективации ноуменов в своей трансцендентальной аналитике как формы априорных синтезов сознания: «...наш рассудок, <...> называя вещи в себе (рассматриваемые не как явления) ноуменами, <...> оказывается не ограниченным чувственностью, а скорее ограничивающим ее. Но вместе с тем он тотчас же ставит границы и самому себе, признавая, что не может познать вещи в себе посредством категорий, стало быть, может мыслить их только как неизвестное нечто» [1, с. 183–184]. Кант множество раз формулирует принцип преодоления видимости объектной независимости от сознания: «...свет открылся тому, кто понял, что... иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию»; «...мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими»; «не представления о вещах, как они нам даны, соотнобразуются с этими вещами как вещами самими по себе, а скорее эти предметы как явления соотнобразуются с тем, как мы их представляем» [1, с. 18, 20, 21].

Реконструируя онтологические сущности КЧР, следует отметить, что они заключены между двумя областями «неизвестного»: чувственно предоставленного порядка пространственно-

временных рядов до-категориальной предметной неопределенности, с одной стороны, и – вещи в себе как границы категориальной определенности. На этом основании Кант объявляет, что «понятие ноумена есть только демаркационное понятие» [1, с. 183]. В «Венской логике» он характеризует эти онтологические структуры КЧР по способам их конструирования: «...когда я ощущаю, я ничего не познаю. Познание двояко, оно либо созерцание, либо понятие. Первое есть единичное, второе – общее... Чувственность есть, следовательно, низшая способность познания, поскольку чувственность дает мне материал для мышления, рассудок же, напротив, распоряжается этим материалом» [4, с. 212–213]. В КЧР ноуменальная объективация оказывается возможной благодаря сопряжению априорных и эмпирических созерцаний: «конструировать понятие – значит показать а priori соответствующее ему созерцание» [1, с. 394].

В ноумене соединяются две «внешние» стороны реальности: чувственный материал как чистая возможность отношения с внешним миром – и – вещь в себе как запредельная для рассудка возможность его *иного* (принципиально проблематического и неразрешимо гипотетического) конституирования. Реальность не может быть «потусторонней» сознанию, но она проблематическим образом является трансцендентальным соединением того, что 1) является сознанию посредством ощущений (феноменологический материал сознания), того, что 2) составляет его априорную аподиктическую основу (его субструктурная основа) и того, что 3) производится им и представляется объектом. В конце первой главы «Трансцендентальной эстетики» мы находим важное пояснение к вопросу об отношении явления и вещи в себе: «...первоначально есть лишь явление, например, роза, считается в эмпирическом смысле вещью в себе, которая, однако, в отношении цвета всякому глазу может являться различно. Напротив, трансцендентальное понятие явлений в пространстве есть критическое напоминание о том, что вообще ничто созерцаемое в пространстве не есть вещь в себе и что пространство не есть форма вещей, свойственная им самим по себе, а что предметы сами по себе отнюдь не известны нам, и те предметы, которые мы называем внешними, суть только представления нашей чувственности, формой которых служит пространство, а истинный коррелят их, то есть вещь в себе, этим путем вовсе не познается и не может быть познана, да, впрочем, в опыте вопрос об этом никогда и не возникает» [1, с. 54]. Для онтологии подобного типа принципиально, что сознание реализует (то есть вводит в статус «реального» и превращает их в предмет сознания) данные чувственного опыта и то, что не является результатом чувственного опыта, но тем не менее является «действительным» как предметы, конструируемые в интеллектуальном созерцании, как вещи в себе. Это и есть возможность «мыслить неизвестное» как неопределенное разного порядка, как вещь в себе, как нечто проблематическое и гипотетическое и определять его в строго контролируемых формах «логически» и «реально» возможного понимания. Итак, онтология Канта *условно ограничена* двумя областями «неопределенности»: чувственного созерцания, заданного априорными структурами пространства и времени, и того, что находится за границами возможного эмпирического опыта. Это позволяет преодолевать, с одной стороны, скептически-негативную гносеологическую неопределенность в отношении вещи в себе, с одной стороны, и наивный натуралистический объективизм – с другой. Понятия феномена и вещи в себе расширяют «онтологию возможного»: трансцендентальная аналитика отвечает за то, на каких основаниях возможно сопряжение априорных и апостериорных начал познания мира, а трансцендентальная диалектика, несмотря на критическое отношение к диалектическому методу самого Канта, показывает, как происходит трансцендентное расширение знания за пределами всякого возможного опыта, и тем не менее для Канта очевидно, что «нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходи-

мость принимать лишь на веру существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» [1, с. 30].

Значение объективного у Канта

Логика соотносится с онтологией как две возможные формы утверждения того, что соединяет связка «есть». Она может быть признанием онтологического статуса предмета (со всеми существенными поправками современных логиков относительно онтологических гарантий, «ontological commitments», начиная с Р. Карнапа и А. Тарского), но логика ограничена «формальными законами рассудка и разума», она является лишь «негативным условием всякой истины» и «дальше этого логика не может идти» [1, с. 73]. В «Венской логике», которая, по мнению А. Круглова, является важным дополнением к КЧР (о ценности «Венской логики» пишет и В.А. Чалый [5]), поскольку курс логики, конспектом которого она является, создавался параллельно с первой Критикой Канта, он весьма категорично – и в духе представителей будущей когерентной теории истины – утверждает: «...познание является истинным, если оно согласуется с самим собой... Существует ли всеобщий критерий истины? Правило, которое позволяет отличить всеобщую истину? Это невозможно» [4, с. 231].

На этом основании становится понятной идея Канта о необходимости реформирования логики и создания «материальной» трансцендентальной аналитики как исследования способов конструирования предметов в сознании, обладающих аподиктической достоверностью. Кант стремится сохранить реалистические основания своего учения, вводя коррелят «объективности», понятие, которое едва ли не чаще, чем понятие «реальность», встречается в КЧР: «объективная реальность» [1, с. 58, 67, 88, 89, 104, 105], «объективная реальность внешних созерцаний» [1, с. 30], «объективные представления» [1, с. 54], «объективная значимость» знаний, понятия, мышления, категорий [1, с. 72, 91, 92, 98], «объективная истинность» [1, с. 58, 64], «объективное применение указанных понятий» [1, с. 60], «объективно значимое априорное созерцание» [1, с. 61], «объективные утверждения» [1, с. 74], «объективная возможность суждения» [1, с. 81], «объективная необходимость» [1, с. 94], «объективное условие всякого познания» [1, с. 99], «объективное единство сознания» [1, с. 99], «объективная дедукция» [1, с. 13] и другие коннотации понятия «объективное».

С.Л. Катречко полагает, что «тем “действием” нашего мышления, которое формально порождает объект, по Канту, выступает трансцендентальное единство апперцепции (resp. объективное единство самосознания), благодаря которому воспринятое чувственное многообразие мыслится нами как объект» [6, с. 96]. Трансцендентальная аналитика Канта соединяет трансцендентальную эстетику как обоснование и прояснение условий возможного «опыта реальности» (вне-понятийную матрицу познания) и категориальную структуру, переводящую априорную возможность понимания реальности в понятийную и содержательную (материальную) форму суждений о ней: «наши истолкования показывают нам реальность... в отношении всего, что может встретиться нам вне нас как предмет» [1, с. 54]. В. Васильев в комментариях к заметкам Канта по метафизике отмечает, что «Кант перепробовал несколько различных стратегий доказательства реальности внешнего чувства» [7, с. 104].

Кант возвращается к онтологической проблематике всякий раз, когда речь заходит о границах познания. Во второй части «Трансцендентальной логики» Кант формирует основы методологии, позволяющей ставить вопрос о реальности и основаниях «объективного» знания о ней. Объективное является результатом соединения двух матриц – трансцендентальной эс-

тетики и трансцендентальной логики. Трансцендентальная эстетика не может продуцировать объекты, но дает основания для формирования «опыта реальности» как врожденного априорного способа приведения в порядок разнообразного чувственного материала. Он обосновывает продуктивное расширение логики в области моделирования возможных представлений о реальности, при этом он различает логическую и реальную возможности [1, с. 179]. А. Круглов отмечает, что «главный трактат Канта – по собственным уверениям автора, трактат о методе, – некоторыми воспринимался и воспринимается как логическое произведение». Е. Семенов указывает на суть произведенного Кантом обновления логики: «Определенным и безусловным является для Канта тот факт, что утверждаемая им новая наука представляет собою исследование не только форм познания, но также и содержания и, таким образом, трансформируется из формальной логики в материальную» [8, с. 7]. Действительно Кант не только каждый весенний семестр на протяжении всей своей преподавательской деятельности читал курс логики, он при этом, опираясь на предписанный методикой чтения курсов учебник Мейера, изобилующий маргиналиями и комментариями, вклеенными в кантовский экземпляр этой Логики, разрабатывал основы неформальной, трансцендентальной логики. Трансцендентальная логика «определила объем, происхождение и объективную значимость априорных знаний» [4, с. 126]. Для Канта объективное содержание знания зависит не от вещи в себе, но от согласованности разных отделов познавательных способностей и проясняется в структурах трансцендентальной аналитики: «...одной лишь формы познания, как бы она ни соответствовала логическим законам, далеко еще не достаточно, чтобы установить материальную (объективную) истинность знания, но никто не отважится судить о предметах с помощью одной только логики и что-то утверждать о них, не собрав о них уже заранее основательных сведений помимо логики, с тем чтобы впоследствии только попытаться использовать и соединить их в одно связанное целое согласно логическим законам или, что еще лучше, только проверить их сообразно этим законам. Тем не менее есть что-то соблазнительное в обладании таким мнимым искусством придавать всем нашим знаниям рассудочную форму, хотя по содержанию они и были еще пустыми и бедными; поэтому общая логика, которая есть лишь канон для оценки, нередко применяется как бы в качестве органа для действительного создания по крайней мере видимости объективных утверждений и таким образом на деле употребляется во зло. Общая логика, претендующая на название такого органа, называется диалектикой» [1, с. 74].

Во фрагментах, принадлежащих к так называемому Дуйсбургскому наследию, находим следующее рассуждение о природе объекта, данного в процессе его конструирования, в котором, в отличие от наблюдения, присутствуют априорные конструкции: объект «есть не что иное, как само субъективное представление (субъекта), но сделанное всеобщим, так как Я есть парадигма /original/ всех объектов» [9, с. 115]». Именно такая постановка проблемы делает возможным для Канта объективное знание: реальность и объективное отношение к ней сознания – это не отношение вещи в себе (как внешней «объективной» реальности) и сознания, но отношение сознания с самим собой, то есть критическое исследование того продукта, который в качестве «природы», «реальности», «мира» оно производит.

Основной задачей трансцендентальной логики является прояснение того, как конструируются представления о мире: каков фундамент этого конструирования, является ли он трансцендентальным априори, то есть обладает ли он всеобщей и необходимой значимостью, можно ли его структурно описать, и имеет ли он объективное значение, то есть применимы ли априорные структуры к эмпирическому опыту. Только внутри трансцендентальной логики анализируется возможность осуществления объективирующих актов как отношения опыта и

априорных структур как принципиальной возможности познавательной деятельности. Собственно, критическая философия и должны дать исчерпывающие ответы на вопрос об «онтологической пользе» («ontological commitments», как будут выражаться новые последователи и критики Канта) трансцендентальной аналитики. Онтологическая область ограничена, и только внутри критической философии можно обрести твердую почву под ногами, четко определив те содержания онтологии, которые имеют «реалистический» и объективистский смысл. Однако не следует упускать из виду основания, на которых можно осмысленно ставить онтологические вопросы и результаты ответов на такого рода вопросы. Онтология, как мы имели возможность убедиться, возможна, согласно Канту, после критического, пропедевтического исследования самой возможности ставить онтологические вопросы и понимания того, в какой форме и последовательности это осуществимо. Другая возможность реализации «объективного познания» возможна, как можно убедиться из разных кантовских текстов, с позиции метафизики.

Метафизический проект Канта

Трансцендентальная логика является основой критической теории Канта, при этом исследователи подчеркивают связь трансцендентальной философии и метафизики: «Построение Кантом трансцендентальной логики неразрывно связано с обоснованием и развитием нового типа метафизического мышления» [8, с. 8].

Как полагает В. Васильев, «решив в 1775 году проблему обоснования возможности априорного синтетического познания на уровне “трансцендентальных алгоритмов”, Кант, словно современный исследователь природы, предложивший изящное “синтаксическое” решение системы уравнений, оказался перед необходимостью “метафизической интерпретации”» [9, с. 100]. То же касается «допущений реальности» априорных рассудочных познаний в «Прологеменах» Канта [10, с. 96]. Что же представляют собой эти метафизические прибавления к критической философии Канта?

Достижение Канта состоит в том, что он взялся критически испытать прочность фундамента всей конструкции знания о реальности. Эту задачу он определяет как создание корпуса трансцендентальной аналитики всех познавательных способностей, а результатом ее должна стать выявленная априорная субструктура знаний о мире. Однако Кант ставит вопрос о том, что не доступно познанию, то есть анализирует, что происходит с нашими представлениями о мире, если мы заходим за пределы своих эмпирических возможностей, когда понятие «вещи в себе» служит поводом для бесконечных попыток выстроить на заданном Кантом фундаменте своеобразную «апофатическую» онтологию реальности, когда «вещь сама по себе остается не познанной нами, хотя она сама по себе и действительна» [1, с. 21]. Истолкование вещи в себе как возможного внеэмпирического знания лежит в области трансцендентальной диалектики, в которой знания имеют характер «трансцендентальной иллюзии». В этой области осуществляется «возможность если и не познавать, то по крайней мере мыслить... предметы... как вещи сами по себе» [1, с. 21]. Кант набрасывает проект этой «другой» онтологии. В последней части КЧР, в «Архитектонике чистого разума», он пишет: «...вся система метафизики состоит из четырех главных частей: 1) онтологии, 2) рациональной физиологии, 3) рациональной космологии, 4) рациональной теологии. Во второй части, а именно в учении чистого разума о природе, есть два раздела: *physica rationalis* и *psychologia rationalis*» [1, с. 460]. Метафизика следует за критикой и заступает за трансцендентальную – сопряженную с опытом, эмпирическую – область предметной аналитики. Оказывается, онтология, потесненная критическим методом, нашла себе пристанище в грандиозном замысле новой метафизики. Отчасти проясняет кантов

замысел его замечание: «...метафизика природы и нравов и в особенности предварительная (пропедевтическая) критика разума, отваживающегося летать на собственных крыльях, составляют, собственно, все то, что можно назвать философией в подлинном смысле» [1, с. 461]. В целом структура разделов метафизики выглядит таким образом: ее пролегоменами служит критика способности чистого познания, а основными частями – посредством этой критики проясненная в своих основаниях онтология и практическая (в платоновском и аристотелевском значении) нравственная философия. Таким образом, онтология оказывается включенной в кантовскую архитектуру критического разума.

В докритический период Кант формировал свои космологические (и весьма продуктивные) идеи, опираясь на умозрительную продуктивную способность воображения, однако современные космологические гипотезы добываются на сложных экспериментальных установках типа адронных коллайдеров и относятся скорее к области сопряжения теоретического и опытного знания, то есть к прикладной трансцендентальной аналитике. Метафизика Канта, по видимому, является замыслом, в котором содержится обоснование возможности объединения разных онтологических порядков. Кант подчеркивает ее значение и пишет: «...метафизика есть также и завершение всей культуры человеческого разума, необходимое даже и в том случае, если мы будем игнорировать ее влияние как науки на некоторые определенные цели. В самом деле, она рассматривает разум с точки зрения его начал и высших максим, которые должны лежать в основе самой возможности некоторых наук и применения всех наук. Как чистая спекуляция, она служит больше для предотвращения ошибок, чем для расширения знаний, но это не наносит никакого ущерба ее ценности, а скорее придает ей достоинство и авторитет, как цензуре, которая обеспечивает общий порядок, согласие и даже благополучие в мире науки...» [1, с. 461–462]. С.Л. Катречко полагает, что «метафизика возможна, потому что мы обладаем природной склонностью к метафизике, то есть являемся *homo metaphysicus*» [11, с. 51]. Это согласуется с вопросом самого Канта, который он формулирует в КЧР: «...как возможна метафизика в качестве природной склонности, то есть как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и на которые, побуждаемый собственной потребностью, он пытается, насколько может, дать ответ?» [1, с. 43].

Метафизика необходима как система предметных областей философии, среди которых онтология занимает особое место. Метафизика, кроме того, может стать основой любой науки, поскольку и когда в ней так или иначе возникают вопросы об априорных структурах как основаниях собственной предметной области и замыслы вписать эту конкретную науку в общую систему знания. Основанием метафизики является «абсолютный, трансцендентальный априоризм Канта, возможно, единственный способ обоснования необходимости, неустранимости философии в условиях расцвета и бесконечного прогресса конкретно-научного знания вместе с его техническими приложениями» [11, с. 32]. С.А. Чернов приводит цитату из рукописной заметки Канта, в которой он замечает, что «все науки, в которых употребляется разум, имеют свою метафизику» [12, с. 31], и показывает, как пагубно со временем отразилось пренебрежение метафизикой в среде ученых: «...антифилософский характер «философии науки», господствовавшей в XX веке», заставляет «вновь обратиться к теории науки Канта в поисках действительно философского понимания науки, которое может иметь лишь метафизический характер» [12, с. 30].

Разъяснения Канта отчасти проясняют суть его грандиозного метафизического замысла: «Философия чистого разума есть или пропедевтика (предварительное упражнение), исследующая способность разума в отношении всего чистого априорного знания, и называется критикой, или же эта философия есть система чистого разума (наука), то есть все (истинное и

мнимое) философское знание, основанное на чистом разуме в систематической связи, и называется метафизикой; впрочем, этим термином можно называть также всю чистую философию, включая и критику, чтобы охватить и исследование всего, что может быть познано a priori, и изложение всего, что составляет систему чистых философских знаний этого рода, отличаясь от всякого эмпирического, а также математического применения разума... Первая содержит в себе все чистые принципы разума, построенные на одних лишь понятиях (стало быть, без математики) теоретического знания всех вещей, а вторая – принципы, а priori определяющие и делающие необходимым все наше поведение. Моральность есть единственная закономерность поступков, которая может быть выведена совершенно a priori из принципов. Поэтому метафизика нравов есть, собственно, чистая мораль, в основу которой вовсе не положена антропология (эмпирические условия). Метафизикой в более узком понимании называют обычно метафизику спекулятивного разума» [1, с. 457].

Однако метафизика «остается нереализованным проектом» [12, с. 45]. Возможно, потому, что само понимание сути метафизического задания оказалось у Канта противоречивым. С одной стороны, метафизика представляет собой область формирования идей, или трансцендентальных задач, которые разум способен сформулировать и показать, каким именно образом, трансцендентальным или диалектическим, он может их разрешить, – и этому вопросу Кант посвящает третью главу второго отдела «Трансцендентальной аналитики» [1, с. 504–513]. Кант систематически критикует диалектический метод, однако именно трансцендентальная диалектика дополняет корпус кантовой критики, и без нее представления о философии было бы существенно неполными. Диалектика определяет антиномический подход к решению космологических идей, а также такого рода идей, которые позволяют «умозаключать к бытию высшего существа» и к «идеалам высшего блага». Другими словами, космологические теории, представления о Боге и нравственная философия выходят за пределы возможного опыта и формируются отличным от него способом. Кант ставит перед метафизикой задачу «или расширить с достоверностью наш чистый разум, или поставить ему определенные и твердые границы» [1, с. 43].

С другой стороны, есть еще одна сложность понимания сути метафизического проекта Канта, связанная с его делением на чистую и практическую метафизику: «Метафизика делится на метафизику спекулятивного и практического применения чистого разума и бывает, следовательно, или метафизикой природы, или метафизикой нравов» [1, с. 457]. С. Катречко так оценивает возникающие здесь проблемы: «Полученные им результаты (ограничение предмета собственно метафизики теорией познания и перевод многих традиционно метафизических проблем в сферу морали) показывают, что, ратуя за *сциентистский* проект метафизики, Кант сузил возможности ее обоснования» [13, с. 83].

Онтология и космология, перечисленные в «широком» списке разделов метафизики, пройдя критическую стадию проверки возможности содержать априорные – всеобщие и необходимые – принципы, составляют фундамент знания «природы» [1, с. 437], в то время как нравственная философия содержит «принципы, а priori определяющие и делающие необходимым все наше поведение» [1, с. 457]. Можно было бы сказать, что в метафизике мы имеем дело с реальностью «высшего порядка», и ближе всего к метафизике стоят космология, теология и этика как такие дисциплины, которые являются формами отвлеченного от опыта спекулятивного знания, но именно от них зависит практическая деятельность любого человека, поскольку нравственная философия определяет человеческие поступки, и, следовательно, метафизика, производит регулятивные идеи и тем самым вмешивается в «само бытие», в то время как вопросы о «бытии высшего существа» определяют «жизнь вечную», опять-таки коррели-

руя реальную деятельность человека. Не случайно после КЧР Кант издает «Критику практического разума», обращаясь к практической проблематике метафизики. *Moraltheologie* – этикотеология – вливается в метафизику тогда, когда онтология уже стала частью трансцендентальной аналитики, а космология (как прикладная конкретная онтология) войдет в ее состав, в случае если космологические гипотезы смогут подтверждаться эмпирическим способом.

Заключение. Значение Канта для современной философии

Влияние Канта на современную философию невозможно переоценить. Между тем оценки кантовой философии противоречивы. В «тени Канта» оказывается вся дальнейшая европейская философия, так или иначе ориентированная на антиреалистические основания аналитики, в частности феноменологию и антиреализм. Как правило, аргументация Канта используется в любой антинатуралистической теории, и его философская архитектоника является фундаментом для экспозиции анти-реалистических дей в программном и систематическом изложении. В феноменологии Э. Гуссерля в учении о временных и пространственных синтетах сознания («Феноменология внутреннего сознания времени» и «Идеи к чистой феноменологии. Вторая книга») нашли продолжение идеи трансцендентальной эстетики Канта, что отражается и на радикализации требования бескомпромиссного решения онтологической проблематики внутри анти-натуралистического ее лагеря, и на трансформации представлений о реальности как результате конституирующей работы сознания. Онтологическая проблематика феноменологии и анти-реализма (в его наиболее последовательных вариантах) строится как аналитика способов, которыми реализуются предметы на разных уровнях представления о реальности [14, с. 66–79; 15, с. 71–84].

Даже полемизируя с Кантом, представители позитивизма и аналитической философии отмечали огромное влияние Канта на формирование их философских идей. Так, представитель «Венского кружка» (наиболее антикантианского движения внутри позитивизма) Курт Гедель писал: «Я полагаю общей особенностью многих кантовских утверждений, что понятия буквально, они ложны, но в более широком смысле содержат в себе глубокие истины... В самом деле, едва ли есть последующее направление в философии, которое как-нибудь не соотносилось с идеями Канта» [16, с. 210–211]. Хилари Патнэм, много критиковавший Канта, первую из своих поздних Кантовских лекций, прочитанных в Стэнфордском университете, начал словами: «С моей точки зрения, почти все проблемы философии только в работах Канта получили ту форму, которая сделала их действительно интересными» [17, с. 466]. Конструктивная критика Канта определила проблемное поле «дескриптивной аналитики» П.Ф. Стросона [18, 19].

Русский исследователь Канта начала XX века Александр Иванович Огнев полагал, что «Кант знает и трансцендентную причинность самого познающего субъекта как вещи в себе», что позволяет отражать «трансцендентно-реальные, подлинные отношения вещей» [20, с. 67]. Павел Куслий видит значение «вещи самой по себе» Канта в том, что она не только определила познавательные границы, но стала основанием «одного из лучших примеров решения проблем, связанных с онтологией» [21, с. 191]. Лолита Макеева, опираясь на исследование фон Вригта, указывает на два направления интереса к аналитике Кант у представителей современной философии – «лингвистическое кантианство» и «выход к объективной реальности как таковой» [22, с. 66].

Все это является свидетельством того, что 300 лет со дня появления на свет философского гения все еще способствуют открытию новых возможностей в понимании природы реальности. Трансцендентальный идеализм Канта ставит на новый уровень исследования онтологической проблематики. Кантовская вещь в себе послужила опорой для формирования но-

вого подхода к формированию представлений о реальности и основанием их продуктивной критики. Реальность вещи в себе оказывается неразрешимой проблемой, но суть кантовой онтологии и состоит, по нашему мнению, именно в том, что вещь в себе – это только проблематическая и гипотетическая конструкция привычного объективирования мира, которая должна предваряться более основательной и менее амбициозной критической аналитикой самой возможности ставить подобные натуралистические вопросы.

Список литературы

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Академический проект. – 2020. – 567 с.
2. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч.1. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А. Михайлова; вступ. ст. В. Куренного. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – Т. 1. – 336 с.
4. Кант, И. Венская логика / И. Кант; предисл. А.Н. Круглова, А.М. Харитоновой, Л.Э. Крыштоп, А.С. Бобровой; пер. А.М. Харитоновой, Л.Э. Крыштоп; под ред. А.Н. Круглова; коммент. А.Н. Круглова, А.М. Харитоновой, Л.Э. Крыштоп; общ. ред. А.Н. Круглова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 496 с.
5. Чалый, В.А. Рец. на кн.: Венская логика, Иммануил Кант / В.А. Чалый // Историко-философский ежегодник. – 2022. – № 37. – С. 434–438.
6. Катречко, С.Л. Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология / С.Л. Катречко // РАЦИО. – 2011. – № 5. – С. 89–105.
7. Васильев, В. «Маргинальная» метафизика Канта / В. Васильев // Логос. – № 10. – 1997. – С. 100–107.
8. Семенов, В.Е. Что такое трансцендентальная логика? / В.Е. Семенов // Кантовский сборник. – 2010. – № 3. – С. 7–23.
9. Кант, И. Фрагменты черновых набросков по метафизике / И. Кант; пер. В. Васильева // Логос. – 1997. – № 10. – С. 108–128.
10. Васильев, В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий) / В.В. Васильев. – М.: Наследие. – 1998. – 160 с.
11. Катречко, С.Л. Как возможна метафизика (в свете трансцендентальной перспективы)? / С.Л. Катречко // Метафизика. – 2011. – № 1. – С. 31–54.
12. Чернов, С.А. Метафизика науки / С.А. Чернов // Кантовский сборник. – 2016. – № 2. – С. 30–48. DOI: 10.5922/0207-6918-2016-2-2
13. Катречко, С.Л. Как возможна метафизика / С.Л. Катречко // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 83–94.
14. Серкова, В.А. Феноменологическая дескрипция / В.А. Серкова. – СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2013. – 320 с.
15. Серкова, В.А. Феноменология культуры / В.А. Серкова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 138 с.
16. Хинтиikka, Я. О Геделе / Я. Хинтиikka; сост., ред и перевод В.В. Целищева и В.А. Суровцева. – М.: «Канон+»: РООИ «Реабилитация». – 2014. – 256 с.
17. Патнэм, Х. Реализм с человеческим лицом / Х. Патнэм // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология; общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. – М., 1998. – С. 466–494.

18. Strawson, P.F. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason* / P.F. Strawson. – London: Routledge, 2006.
19. Евстигнеев, М.Д. Дескриптивная метафизика и Кант [Электронный ресурс] / М.Д. Евстигнеев // Трансцендентальный журнал. – 2020. – № 1. – С. 31–54. – URL: <https://transcendental.su/S123456780008217-9-1> (дата обращения: 11.09.2024).
20. Огнев, А.И. Учение о реальности Канта в понимании и оценке Гартмана / А.И. Огнев; подгот. к публ. и послесл. Е.А. Бутиной // Кантовский сборник. – 2012. – № 1(39). – С. 62–69. DOI: 10.5922/0207-69182012-1-7
21. Куслий, П. Вещь сама по себе в концепциях Канта и Куайна / П. Куслий // Форум молодых кантоведов: материалы Междунар. конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта. – М., 2005. – С. 190–200.
22. Макеева, Л.Б. Аналитическая философия, ее история и Кант / Л.Б. Макеева // Кантовский сборник. – 2013. – № 2 (44). – С. 56–68.

References

1. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2020, 567 p.
2. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast'1* [Fragments of early Greek philosophers. Part 1]. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, 1989, 576 p.
3. Husserl E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Tom 1* [Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Vol. 1]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 1999, 336 p.
4. Kant I. *Venskaia logika* [Viennese logic]. Ed. A.N. Kruglova. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiia», 2022, 496 p.
5. Chaly V.A. *Retsenziia na knigu Venskaia logika, Immanuel Kant* [Review of the book Viennese Logic, Immanuel Kant]. *History of Philosophy Yearbook*, no. 37 (2022), pp. 434-438.
6. Katrechko S.L. *Transtsendental'naia argumentatsiia Kanta kak formal'naia ontologiia* [Kant's transcendental argumentation as a formal ontology]. *RATs/O*, 2011, no. 5, pp. 89-105.
7. Vasiliev V. «Marginal'naia» metafizika Kanta ["Marginal" metaphysics of Kant]. *Logos*, no. 10, 1997, pp. 100-107.
8. Semenov V.E. *Chto takoe transtsendental'naia logika?* [What is transcendental logic?]. *Kantian Journal*, 2010, no. 3, pp. 7–23.
9. Kant I. *Fragmenty chernovykh nabroskov po metafizike* [Fragments of rough drafts on metaphysics]. *Logos*, no. 10, 1997, pp. 108-128.
10. Vasiliev V. V. *Podvaly kantovskoi metafiziki (deduksiia kategorii)* [Cellars of kantian metaphysics (deduction of categories)]. Moscow, «Nasledie», 1998, 160 p.
11. Katrechko S.L. *Kak vozmozhna metafizika (v svete transtsendental'noi perspektivy)?* [How is metaphysics possible (in light of the transcendental perspective)?]. *Metaphysics*, 2011, no. 1, pp. 31-54.
12. Chernov S.A. *Metafizika nauki* [Metaphysics of science]. *Kantian Journal*, 2016, no. 2, pp. 30–48. DOI: 10.5922/0207-6918-2016-2-2
13. Katrechko S.L. *Kak vozmozhna metafizika* [How is metaphysics possible]. *Voprosy filosofii*, 2005, no. 9, pp. 83-94.
14. Serkova V.A. *Fenomenologicheskaiia deskriptsiia* [Phenomenological description]. Saint Petersburg, Sankt Peterburgskii universitet, 2013, 320 p.
15. Serkova V.A. *Fenomenologiia kul'tury* [Phenomenology of Culture]. Saint Petersburg, Politekhnikeskii universitet, 2010, 138 p.
16. Hintikka J. *O Gedele* [About Gödel]. Ed V.V. Tselishcheva, V.A. Surovtseva. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiia», 2014, 256 p.
17. Putnam H. *Realizm s chelovecheskim litsom* [Realism with a Human Face]. *Analiticheskaia filosofii: stanovlenie i razvitie. Antologiia*. Ed. A.F. Griaznova. Moscow, 1998, pp. 466-494.
18. Strawson P.F. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London, Routledge, 2006.
19. Evstigneev M.D. *Deskriptivnaia metafizika i Kant* [Descriptive Metaphysics and Kant]. *Studies in Transcendental Philosophy*, 2020, no. 1, pp. 31-54, available at: <https://transcendental.su/S123456780008217-9-1> (accessed 11 September 2024).
20. Ognev A. I. *Uchenie o real'nosti Kanta v ponimanii i otsenke Gartmana* [Kant's Doctrine of Reality as Understood and Evaluated by Hartmann]. *Kantian Journal*, 2012, no. 1(39), pp. 62-69. DOI: 10.5922/0207-69182012-1-7.
21. Kusliy P. *Veshch' sama po sebe v kontseptsiakh Kanta i Kuaina* [The Thing in Itself in the Concepts of Kant and Quine]. *Forum molodykh kantovedov (Po materialam Mezhdunarodnogo kongressa, posviashchennogo 280-letiiu so dnia rozhdeniia i 200-letiiu so dnia smerti Immanuila Kanta)*. Moscow, 2005, pp. 190-200.
22. Makeeva L.B. *Analiticheskaia filosofii, ee istoriia i Kant* [Analytical philosophy, its history and Kant]. *Kantian Journal*, 2013, no. 2 (44), pp. 56-68.